
М.В. Скржинская

РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В статье рассмотрены известные к настоящему времени типы государственных документов из Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Автор анализирует ряд образцов декретов в честь местных и иностранных граждан, а также выделяет редчайшие надписи с клятвой херсонеситов, с текстами межгосударственных договоров и законов. Особое внимание уделяется роли секретарей в оформлении решений, принятых боспорскими царями или Советом и Народным собранием в государствах с демократической формой правления.

Ключевые слова: античность, Греция, Северное Причерноморье, Тира, Ольвия, Херсонес, Боспорское царство, документ, письменность, государство, полис

В VI в. до н.э. в процессе формирования древнегреческих полисов на северных берегах Черного моря возникла необходимость ведения государственной документации: требовалось составлять списки полноправных граждан, записывать различные постановления, законы и договоры, фиксировать права на владение землей и разными видами имущества. Уже в начальный период греческой колонизации черноморского побережья сложилась устойчивая традиция составления документов. Их писали должностные лица, в основном секретари, которые, как правило, принадлежали к влиятельным и наиболее образованным слоям граждан (Доватур 1957. С. 13).

Колонисты в Северном Причерноморье стали вести документацию по известным им образцам. О времени появления записей государственных постановлений и архивов, где они хранились, можно судить лишь по косвенным археологическим свидетельствам; к ним относятся разнообразные граффити архаического времени и наличие ольвийской агоры уже во второй половине VI в. до н.э. Среди древнейших граффити наряду с отдельными словами есть довольно пространные письма жителей Борисфена, Ольвии и Фанагории; они писали их на обломках керамических сосудов и свинцовых пластинках (Скржинская 2014. С. 56–57).

Это указывает на значительное число грамотных граждан, способных записать принятые постановления. Агора служила местом проведения Народных собраний, где обсуждались дела полиса и принимались решения, которые следовало письменно закрепить.

Одним из первых документов в колонии становился список имен и отчеств полноправных граждан, т.е. мужчин, обладавших всеми правами, предоставляемыми данным государством. Список следовало постоянно изменять: вычеркивать умерших, включать имена законных сыновей граждан и учитывать иностранцев, получивших права гражданства. Редкий образец списка полноправных ольвиополитов относится к III в. до н. э. (IOSPE I². № 201; Яйленко 1990. С. 282–283). Больше сохранилось надписей со списками граждан, составленными по иным поводам. Таковы, например, перечни победителей на атлетических, конных и мусических агонах, сопровождавших праздники в честь разных богов. Известно, что греческие государства заботились о проведении главных религиозных праздников, а в колониях их начинали справлять вскоре после основания апойкии. В милетских апойкиях Северного Причерноморья так чествовали Аполлона Врача, покровителя колонистов, а позже государство стало проводить и другие праздники. Таковыми в Ольвии и Херсонесе были Дионисии, во время которых в театре вручали государственные награды и читали почетные декреты (Скржинская 2010. С. 40, 41, 168).

В Херсонесе обнаружены фрагменты надписей с перечислением победителей в различных видах бега, в борьбе, кулачном бою и в пятиборье (IOSPE I². № 434, 435, 620; НЭПХ. № 20; Соломоник 1988. С. 47), а также в мусических состязаниях (НЭПХ. № 127). Самая крупная надпись такого рода найдена на азиатской стороне Боспора в Горгииппии (совр. Анапа). В III в. до н.э. на большой мраморной стеле были записаны имена нескольких сот победителей в беге на празднике в честь Гермеса, проходившем на протяжении нескольких десятилетий, начиная с конца IV в. до н.э. (КБН. № 1137). Надпись является ярким примером того, как греки чтит рекордсменов и заботились о том, чтобы их имена соотечественники долго помнили (Берзин 1961. С. 115–118).

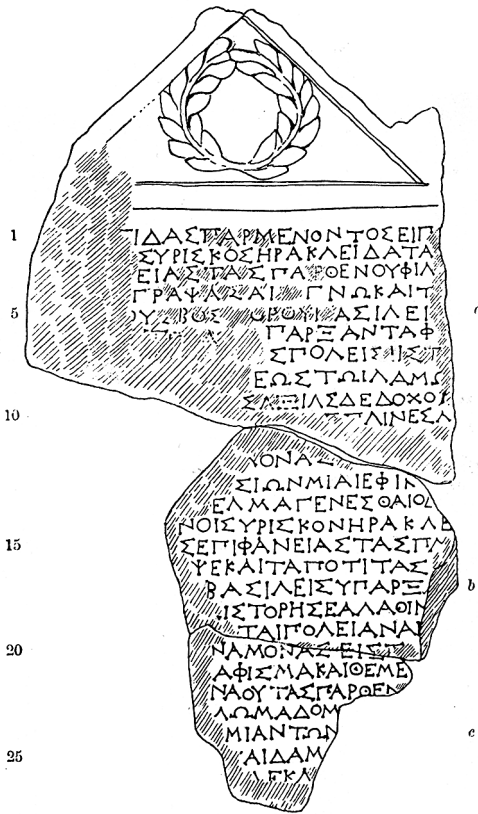
Оригиналы государственных постановлений записывали на папирусе и хранили в архивах, где, вероятно, складывали в отдельный отсек документы одного года. Во многих полисах до римского времени летосчисление велось по ежегодно избиравшимся архонтам, дававшим имя году, или по именам ежегодно сменяемых

жрецов главного бога местного пантеона. Так было в Ольвии, но такие даты присутствуют далеко не на всех документах. Вероятно, это объясняется тем, что сначала все помнили год издания, позже время определялось по тому месту, куда ежегодно складывали в архиве все документы определенного года и даже месяца. Текст постановления при передаче его резчику по камню не редактировался. Поэтому в ольвийских надписях нередко отмечено лишь число и месяц, или только число. Например, знаменитый декрет III в. до н.э. в честь Протогена начинается словами: «Совет и Народ постановили двадцатого числа, архонты и коллегия Семи предложили...» (IOSPE I². № 32). В то же время в декрете точно обозначены предыдущие годы, когда Протоген совершал свои благотворительные акции; они датированы по именам жрецов-эпонимов, давших название году.

Тексты различных государственных постановлений, издававшихся в Элладе и ее колониях, известны сейчас по множеству эпиграфических памятников и по сочинениям античных авторов. Например, Демосфен и другие ораторы в судебных речах постоянно ссылались на письменные документы, просили прочесть их перед аудиторией в суде, а при записи речи вставляли в нее тексты законов, договоров и других документов. Из государств Северного Причерноморья уцелели лишь постановления, которые считались особо важными, и потому принималось решение записать их на каменных стелах: таковы различные решения Совета и Народного собрания, а также указы боспорских царей.

Среди интересующих нас надписей большинство составляют почетные декреты в честь соотечественников и иностранных граждан, оказавших разнообразные услуги государству. Такое количество подобных документов не случайно, т.к. наряду с другими отличиями решение начертать текст постановления на каменной стеле или на пьедестале статуи служило почетной наградой (Скржинская 2010. С. 305–310).

Ольвийский декрет в честь Каллиника (IOSPE I². № 25 и 31) представляет собой один из немногочисленных хорошо сохранившихся почетных декретов с перечислением заслуг соотечественника, который способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах граждан. В последней четверти IV в. до н.э. глашатай прочел в театре во время празднования Дионисий постановление о награде Каллиника золотым венком и статуей, от которой частично сохранился

Илл. 1. Стела с декретом в честь историка Сирика. Херсонес. III в. до н.э.

мраморный пьедестал с текстом декрета и следами ног бронзовой скульптуры (Скржинская 2010. С. 288–289).

В III в. до н.э. херсонеситы издали декрет в честь своего соотечественника историка Сирика. Как и в Ольвии, постановление читали в театре во время Дионисий и венчали Сирика золотым венком (IOSPE I². № 344), затем его изобразили на фронте мраморной стелы с декретом в честь историка (илл. 1). Это единственное в Северном Причерноморье и вообще весьма редкое свидетельство о награждении писателя. Из уцелевшей надписи мы узнаем, что Сирик литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини

Херсонеса, а также изложил отношения государства с другими полисами и с царями Боспора. Вероятно, Сирик читал свой труд в театре, где была хорошая акустика и могли собраться все граждане. Им очень понравились правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения, и потому херсонеситы решили отметить историка наградами, которые давали тем, кто оказал особо ценные услуги государству. Это постановление косвенно указывает на достаточно высокий уровень образования граждан Херсонеса, способных оценить подобное произведение.

Почетные декреты от имени государства издавали также в честь иностранцев. Такова найденная в Ольвии разбитая на три

части мраморная стела III в. до н.э. (Виноградов 1989. С. 216–217). В надписи отмечены деяния херсонесита Аполлония и трех его сыновей, неоднократно оказывавших Ольвии важные финансовые услуги. Во время празднования Дионисий декрет огласили в театре и увенчали херсонеситов золотыми венками, а позже на Центральном теменосе поставили их статуи и поместили декрет на мраморной стеле (НО. № 28).

Другой редкий образец почетного декрета в честь иностранца представляет не полностью уцелевшая ольвийская надпись конца II в. до н.э. Совет и Народ выразили благодарность гражданину Амиса (IOSPE I². № 35). Будучи капитаном корабля, он, несмотря на штормовую погоду, доставил для помощи городу армянских лучников и провиант, а также ольвийских послов, которые просили помощи у царя Митридата, и тот послал ее на корабле от важного капитана.

Приведенные надписи показывают, сколь различны бывали поводы для государственных наград, сопровождавшихся решением о постановке стел с текстами почетных декретов.

В эллинистический период в Ольвии появился обычай посмертно чествовать выдающихся граждан золотым венком и установкой стелы с текстом, в котором говорилось о деяниях умершего. При выносе тела на торжественных похоронах такого гражданина венчали золотым венком, и глашатай читал текст почетного декрета с подробным перечислением заслуг покойного. В качестве особой благодарности ольвиополиты постановляли ежегодно оглашать такой декрет во время государственных праздников или народных собраний. Так было на рубеже III–II вв. до н.э., когда хоронили неизвестного теперь по имени гражданина, отдавшего жизнь за родину (НО. № 34), и в первой половине II в. до н.э., когда погиб Никерат, в сражении с варварами, нападшими на греков, возвращавшихся с праздника на Ахилловом Дроме (IOSPE I². № 34).

Подробное перечисление разнообразных заслуг Никерата перекликается с еще более обстоятельным рассказом в декрете о деятельности Протогена на благо Ольвии во второй половине III в. до н.э. (IOSPE I². № 32). Это самый крупный среди известных сейчас документов античного Северного Причерноморья, хотя конец надписи утрачен и неизвестен ее полный текст. В декрете обстоятельно повествуется о многократной финансовой помощи богатого ольвиополита своему государству, которое в III в. до н.э. постоянно испытывало недостаток средств на различные

неотложные нужды. Автор текста, несомненно, обращался к архивным документам, которые датировались по имени жреца-эпонима года. Поэтому точно определены голодные годы при жрецах Гиеродоре и Плейстархе, когда Протоген давал беспроцентную ссуду на покупку хлеба. Он неоднократно помогал Ольвии выплачивать дань царю варварских племен Сайтафарну и его вельможам, выкупил заложенные у ростовщика драгоценные священные сосуды, давал деньги на ремонт и строительство новых оборонительных сооружений; предоставлял гражданам отсрочки по задолженным ему суммам, а иногда и прощал долги, а также «честно и справедливо» исполнял должность казначея города. В утраченной заключительной части декрета находилось постановление Народного собрания и Совета о награждении Протогена за заслуги перед отечеством; наверное, там говорилось о венчании Протогена золотым венком во время торжественных похорон и о ежегодном чтении почетного постановления перед большим собранием граждан. Декреты в честь покойных ольвиополитов Дада, Карзоаза и Посидея свидетельствуют о существовании такого ритуала и в римское время (IOSPE I². № 39, 51, 52).

В античных полисах, начиная с классического периода, для иностранцев существовала особая награда, называвшаяся проксенией. Она в первую очередь способствовала улучшению торгового обмена между государствами. В римский период проксения постепенно утрачивала свое первоначальное значение и часто превращалась в почетный титул.

Старшей по времени в Северном Причерноморье является ольвийская проксения первой половины V в. до н.э. (НО. № 1). В ней сказано о предоставлении ателии, т.е. свободы от уплаты налогов, Иатроклу и его потомкам, гражданам Синопы. В доримский период ольвийские стелы с текстами таких декретов помещали, как правило, около храма Аполлона Дельфиния на Центральном теменосе (Леви 1985. С. 85–88). Многие из отмеченных проксениями иноземных купцов привозили товары со своей родины. К ним относятся граждане Афин, Родоса, Синопы, Гераклеи и некоторые другие. Это подтверждается находками амфор и черепиц с клеймами, разнообразных сосудов и других изделий, несомненно произведенных в этих центрах. Некоторые проксении предоставлялись купцам, успешно занимавшимся посреднической торговлей. По-видимому, к их числу принадлежали Аристандр, гражданин небольшого города Орхомена в Аркадии, и неизвестный сейчас по

имени гражданин Фив в Беотии (НО. № 4, 14). Ведь о контактах Ольвии с этими государствами нет никаких свидетельств. Пример такой предпринимательской деятельности граждан небольших греческих городов описан в речи Демосфена «Против Лакрита». В середине IV в. до н.э. Артемон и Аполлодор, уроженцы малоазийского города Фаселида, взяли денежный кредит в Афинах, наняли корабль и загрузили его вином в Менде, намереваясь продать этот товар в Ольвии или на Боспоре (Dem. XXXV, 10; Скржинская 1998. С. 177–179).

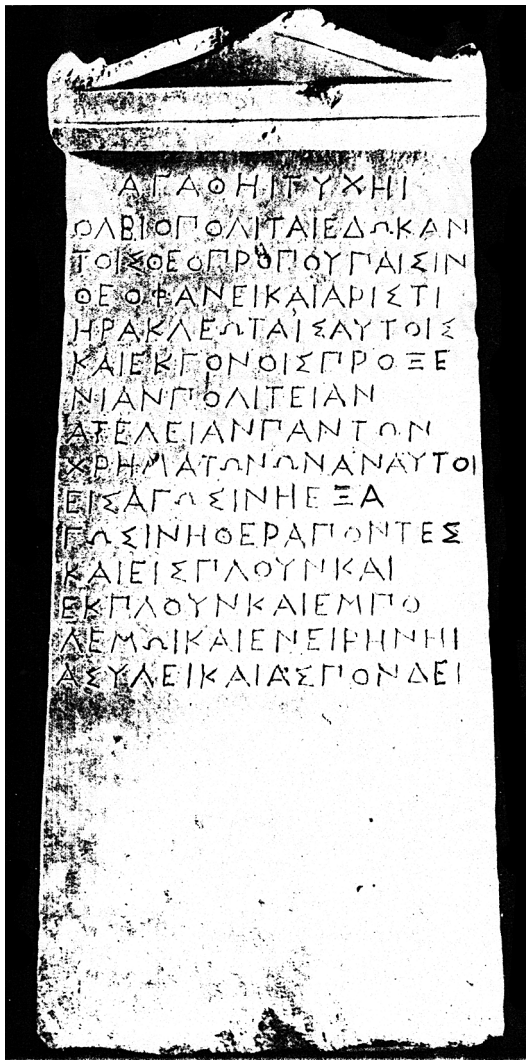
Наиболее обширная проксения предоставляла иностранцу права местного гражданства наряду с разными торговыми льготами. Проксении получали за выдающиеся финансовые, дипломатические, торговые и некоторые другие услуги государству. Сопоставление текстов проксений разных полисов показывают, что они очень схожи и для них существовали строго определенные формулы, которые незначительно изменялись на протяжении многих веков (Guarducci 1969. P. 28–33).

Сходство и различие в оформлении проксений в античных государствах Северного Причерноморья можно проследить на примере двух надписей IV в. до н.э. Первая проксения дана в Ольвии двум гражданам Гераклеи (илл. 2), а вторую получил в Пантикапее гражданин города Амиса, который одно время назывался Пиреем.

В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопропа, Теофану и Аристе, гераклеотам, им самим и их потомкам проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и право въезда в гавань и выезда во время войны и во время мира, без конфискации и без необходимости договора (НО. № 6).

...сыну Дионисия проксения. Перисад и (его) сыновья... сыну Дионисия, пирейцу, и (его) потомкам дали проксению и свободу от пошлин на все товары во всем Боспоре, им самим и их слугам, и право въезда в гавань и выезда во время войны и во время мира, без конфискации и без необходимости договора (КБН. № 1).

В этих документах мы видим схожие формулировки относительно предоставления льгот, и в то же время различаются те, кто предоставляет проксению: Совет и Народное собрание в демократической

Илл. 2. Стела с проксенией гераклеотам Феофану и Аристе. Ольвия. IV в. до н.э.

Ольвии, а в Боспорском царстве – царская семья.

Вплоть до первых веков нашей эры Ольвия и Херсонес давали проксении купцам и лицам, исполнявшим различные дипломатические поручения, причем оба вида деятельности в античности зачастую совмещали одни и те же люди (Тюменев 1950. С. 11–25). Они приезжали в Северное Причерноморье с берегов Понта, из Элады и Малой Азии (IOSPE P. № 26–28, 30, 33, 35, 227; НО. № 1–27, 45). Ольвиополиты и херсонеситы особо отмечали заслуги проксенов, оказывавших им на своей родине содействие в разных обстоятельствах. Деятельность ряда проксенов, начиная с эллинистического периода, можно сравнить с обязанностями современных консулов (IOSPE P. № 20, 21, 23, 26–28,

30; НО. № 19, 24–26). Во второй половине III в. до н.э. эти обязательства на Родосе выполнял Агасикл, которому ольвиополиты дали проксению и права гражданства за то, что он оказывал услуги обращающимся к нему ольвиополитам (НО. № 24). Его

современник Навтим получил у ольвиополитов проксению за подобную деятельность в Каллатии (IOSPE I². № 27), а в III–II вв. до н.э. ольвиополиты давали проксению за те же заслуги херсонеситу Дионисию и не известному сейчас по имени гражданину Смирны (НО. № 24, 26).

Особый интерес представляет редкая для классического времени ольвийская проксения, полученная не рядовым гражданином, а правителем, имя которого – Сатир. Немногочисленные примеры подобных проксений известны из античной литературы (Her. VIII, 136) и из надписей (SIG. № 221, 439, 430). Ю.Г. Виноградов и В.В. Крапивина (1995. С. 69–78), издавая эту надпись, датировали ее по шрифту IV в. до н.э., а чествуемое лицо назвали боспорским царем Сатиром I, правившим в 433–389 гг. до н.э. До находки рассматриваемой проксении не было никаких известий о контактах Ольвии и Боспора в доримское время, поэтому издатели оценили декрет как важное свидетельство о связях двух государств. Более убедительным представляется мнение В.П. Яйленко (2010. С. 84–92), показавшего, что речь идет о гераклейском тиране Сатире, который правил с 352 по 345 г. до н.э.; в пользу этого говорят многочисленные археологические находки, указывающие на оживленные связи Гераклеи Понтийской и Ольвии в IV в. до н.э. Повидимому, проксения была дана за успешное политическое соглашение между государствами. Так, по крайней мере, можно понять по уцелевшей части текста с дополненными утратами, предложенными В.П. Яйленко (2010. С. 93):

Ольвиополиты делают Сатира проксеном и гражданином, его самого и детей, а также благодетелем, и даруют ему самому и детям беспопытность всего достояния и право влиять и выплывать в военное и мирное время без ущерба и заключения договора. В добрый час, заключает договор с ольвиополитами по благосклонности Сатир; быть друзьями...

Среди более поздних проксений есть несколько, полученных за успешную политическую деятельность. Во II в. до н.э. гражданин Синопы Менофил получил такую благодарность в связи с заключением договора между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком, а посла Митридата Евпатора (его имя не сохранилось) наградили за то, что он уладил отношения Херсонеса с этим царем перед тем, как тот отправил свое войско во главе с

Диофантом на помощь херсонеситам (IOSPE P. № 349, 351; Соломоник 1973. С. 13–17). Во время правления Августа римлянин Прудент удостоился проксении за деятельность в пользу Херсонеса; за сходные заслуги были награждены два гераклеота (IOSPE P. № 356, 362). В 174 г. херсонеситы дали проксению и права гражданства заместнику Мёзии Аврелию Кальпурниану и его жене за их деятельность, направленную на благо Херсонеса; в этой надписи запечатлен редчайший случай награждения женщины проксенией и золотым венком (Антонова, Яйленко 1995. С. 58–86).

На Боспоре проксении давали цари. Сейчас известно 17 подобных документов, все они написаны в промежутке от начала IV до начала III в. до н.э. (Яйленко 2010. С. 55–79), что заметно отличается от распределения по времени ольвийских и херсонесских проксений. Вряд ли боспоряне, имевшие в эллинистический и римский периоды обширные экономические и политические связи с греческим миром, перестали давать иностранцам проксении; вероятно, цари, правившие после Селевка, сына Евмела, не желали устанавливать памятные стелы с такими текстами.

По находкам проксений ясно, что большинство заслуживших почести иностранцев, отправляясь на Боспор, прибывали в Пантикапей, реже они появлялись в Фанагории и Горгиппии, где также найдены стелы с проксениями. Их граждане обращались к царю или в его канцелярию с просьбой дать проксению тому или иному иностранцу, и в столице решали, поддержать ли такую просьбу. В случае согласия проксения давалась от имени царя. Он определял, какие и в каком объеме дать привилегии тому или иному иностранцу: в особых случаях предоставлялось боспорское гражданство, а обычно – права въезда и выезда из гавани в мирное и военное время, право беспошлинного ввоза и вывоза товаров, возможность приобретать землю и дома, и др.; кроме того, монарх решал, может ли пользоваться предоставленными льготами только сам иностранец или также его потомки и доверенные слуги.

Греческие колонии, начиная с первых лет своего существования, активно общались со своей метрополией и другими полисами, с которыми заключали различные договоры. В Северном Причерноморье таких документов уцелело немного. Примером межгосударственного договора может служить декрет об исполнении Ольвии и Милета (МИС. № 35). Соглашение, принятое в

последней трети IV в. до н.э., вырезали на двух стелах, которые поставили в обоих городах, но уцелела лишь плита, стоявшая у храма Аполлона Дельфиния в Милете. Ольвийская стела, вероятно, так же занимала почетное место у Дельфиниума на Центральном теменосе. Уцелевший договор, по-видимому, подтверждал существовавшее прежде соглашение, которое метрополия и ее колония заключили вскоре после основания Ольвии. Косвенно это подтверждается словами Геродота (IV, 18) о том, что ольвиополиты называют себя милетянами. Составитель документа четко сформулировал, в чем состояли одинаковые права милетян и ольвиополитов: они освобождались от налогов, выплачиваемых иностранцами, могли занимать государственные должности в дружественном полисе, но тогда обязывались платить местные налоги, как и прочие граждане. Кроме того, в дружественном городе граждане получали возможность скорее, чем прочие иностранцы, разобрать претензии в местном суде, а также иметь доступ к участию в различных религиозных ритуалах. Сходные договоры Милет заключал и с другими своими колониями (Жебелев 1953. С. 38–41; Виноградов 1989. С. 169–170).

Другим полностью сохранившимся образцом международного договора является херсонесская надпись с точной датой: 157 год месяца Даисия, т.е. 179 г. до н.э. по современному летосчислению (IOSPE I². № 402). Это клятвенное обещание царя Понта Фарнака I и правительства Херсонеса помогать друг другу, совместно отражать нападения врагов и охранять политический строй обеих сторон. Позже, соблюдая это обещание, понтийский царь Митридат Евпатор послал в конце II в. до н.э. своего полководца Диофанта помочь Херсонесу в войне со скифами.

Деятельность греческих государств всегда сопровождалась изданием законов и наблюдением за их исполнением. Хорошее представление об этом дает декрет о деньгах, изданный в Ольвии во второй половине IV в. до н.э. (IOSPE I². № 24). Стела с текстом ольвийского закона стояла около храма Зевса Урия, находившегося в поселке на берегу пролива Босфор, где останавливались все корабли, следовавшие в Понт Евксинский. Здесь купцы могли ознакомиться с правилами торговли в большинстве городов, расположенных на берегах Понта. В ольвийском законе четко определялось требование торговать на территории полиса, используя исключительно местные деньги. Строго устанавливался курс обмена только для кизикинов, служивших в

то время международной валютой: золотой кизикинский статер приравнивался к 10,5 ольвийских серебряных статеров. Прочие золотые и серебряные монеты обменивались у местных трапезитов по обоюдному соглашению. С нарушителей закона взыскивался штраф, конфисковались весь товар и уплаченные за него деньги.

От других законов уцелели лишь отрывки или упоминания об их существовании. Например, в декрете III в. до н.э. в честь ольвиополита Антестерия говорится об изгнании из полиса граждан, преступивших закон (Виноградов 1989. С. 194). Остается неизвестным, о каком законе идет речь, однако ясно, что за нарушение некоторых ольвийских законов карали изгнанием, одним из самых страшных наказаний для любого эллина, лишившегося родины, всех прав и защиты государства. Близким по времени был и частично уцелевший херсонесский закон о возвращении политических изгнанников (Соломоник 1984. С. 72–81).

Уникальной для Северного Причерноморья является надпись с текстом клятвы, которую давали граждане Херсонеса на рубеже IV–III вв. до н.э. (IOSPE I². № 401; Жебелев 1953. С. 217–247; Виноградов, Щеглов 1990. С. 334–350). В греческих городах юноши, достигшие совершеннолетия и вступавшие в ряды полноправных граждан, клялись в верности своему родному полису. В переломные исторические моменты клятву верности заново произносили все граждане. Именно такое положение сложилось в Херсонесе на рубеже IV–III вв. до н.э. в результате попытки ниспровергнуть демократический строй, за которой последовало изгнание заговорщиков и наступило гражданское примирение. Тогда была написана эта клятва и вырезана на стеле, стоявшей на видном месте, чтобы напоминать всем о данных обязательствах. Граждане клялись именами своих главных богов не предавать Херсонес, города и укрепления на территории государства и его хору, не вступать в заговоры против демократической власти и оповещать власти о таковых, не давать и не принимать даров «во вред государству и гражданам», нигде не продавать выращенный на хоре хлеб, кроме как в самом городе Херсонесе.

Присяга написана по образцу, который использовался во многих греческих городах (Жебелев 1953. С. 221–222); благодаря хорошей сохранности она стала важным источником, по которому восстанавливают утраченные части на надписях с присягами из других греческих государств.

В эллинистический период у греков появился новый тип документов – письма монархов, имевшие полноценное юридическое значение (Welles 1934. P. 27). Сейчас их принято называть рескриптами (от латинского *rescriptum* – «ответное письмо», а также «императорский указ»). В римское время теми же юридическими правами стали пользоваться письма императоров и наместников провинций, которые, придавая особое значение некоторым своим распоряжениям, рекомендовали выставить на видном месте в городе копии некоторых своих писем.

Среди эпиграфических памятников Боспора есть несколько фрагментов писем местных царей (IOSPE I². № 704; КБН. № 836, 1050, 1207), но полностью сохранились лишь найденные в Горгииппии два рескрипта Аспурга, написанные в апреле-мае 15 г. н.э. (Блаватская 1965). Они составлены по принятым в то время трафаретам: текст от первого лица начинается с обращения монарха к своим чиновникам, затем излагается основание для издания распоряжения, потом – само постановление, а в конце документа помещаются приветствие и дата. Оба документа закрепляли юридические и экономические привилегии, данные царем гражданам Горгииппии, по-видимому, за лояльное отношение к царю во время волнений в других боспорских городах, когда Аспург уезжал в Рим.

Анализируя язык рескриптов, Т.В. Блаватская (1965. С. 198–202) отметила отличное качество стиля и языка надписей, в которых имеется лишь одна орфографическая погрешность. Это указывает на высокую образованность составителей писем: они обладали хорошей профессиональной выучкой, употребляли специальные формулы и термины, встречающиеся во многих документах разных греческих государств, и в то же время вырабатывали собственные термины.

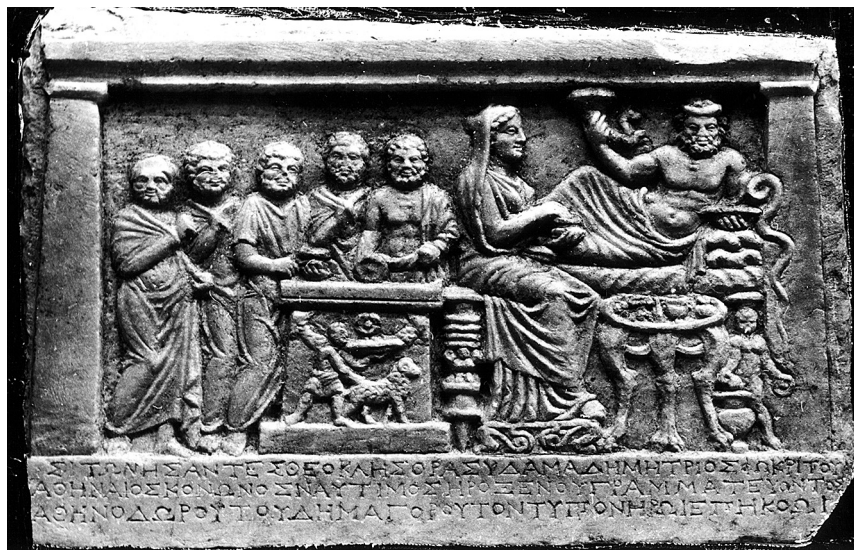
Две надписи из Херсонеса и Тиры представляют образцы официальной переписки (IOSPE I². № 4; Соломоник 1983. С. 20–27). В конце II в. н.э. херсонеситы пожаловались наместнику провинции Нижняя Мёзия на то, что легионеры самовольно увеличили установленную ранее сумму, которую они забирали из местного проституционного налога; эти деньги шли римскому гарнизону на оплату за защиту города. В ответ наместник приказал римлянам подчиняться ранее изданному императорскому рескрипту. Для соблюдения выработанных правил он распорядился записать на мраморной стеле его переписку с херсонесскими властями и

двумя начальниками римского гарнизона, чтобы обе стороны постоянно видели, как они должны соблюдать взаимные обязательства. В переписке властей Тиря с наместником Нижней Мёзии в начале III в. н.э. речь шла о подтверждении права беспошлинной торговли, а также о решении давать права гражданства лишь с согласия наместника.

Большинство упомянутых документов писали хорошо образованные люди. Обычно это были молодые граждане, исполнявшие обязанности секретарей. Эта должность появилась в колониях Северного Причерноморья во время формирования государственного аппарата. Название должности секретаря *γραμματεὺς* происходит от слова *γράμμα* (буква), т.е. подразумевает грамотного человека, способного в сжатой и точной форме излагать всевозможные постановления, законы, договоры и тому подобное. Аристотель в «Афинской политике» (54, 3) писал, что государственный секретарь составлял текст документов, хранил постановления Народного собрания, подписывал все государственные акты и присутствовал на заседаниях Совета.

Безусловно, при исполнительных органах власти секретари появились в античных городах Северного Причерноморья уже в V в. до н.э., когда здесь стали вести подробную документацию. Секретари редактировали и записывали по определенным формулам постановления Народного собрания, законы и другие документы, которые поступали в городской архив. Если в документе шла речь о предоставлении каких-либо прав или привилегий, то секретарь вручал копию лицу, упомянутому в постановлении; на основании этих документов можно было претендовать на различные льготы. Древнейшее известное сейчас упоминание секретаря в Северном Причерноморье сохранилось в надписи первой половины III в. до н.э. на стеле коллегии ситонов, которые заботились о снабжении Ольвии хлебом в голодные годы. Стелу украшало изображение пятерых членов коллегии, в числе которых мы видим секретаря (илл. 3). Внизу под рельефом начертаны слова:

Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афиней, сын Конона, Навтим, сын Героксена при секретаре Афинодоре, сыне Демагора, (это изображение) Герою Внемлющему (посветили) (НО. № 72).

Илл. 3. Мраморный рельеф с изображением секретаря Афинодора в составе коллегии ситонов. Ольвия. III в. до н.э.

Наверное, Афинодор составил надпись, нанял скульптора и следил за исполнением изображения и за нанесением текста на мраморную плитку. Имя секретаря поставлено последним, что характерно также и для более поздних надписей. Как и его старшие коллеги, секретарь назван с отчеством, из чего следует, что он полноправный гражданин, а его должность была не чисто вспомогательной: он изображен на стеле наравне с остальными членами коллегии, которые все одеты в парадную греческую одежду – большие плащи-гиматии. Наверное, Афинодором надо считать того, кто стоит у края рельефа дальше всех от алтаря, и по росту он несколько ниже остальных; это, вероятно, указывает на его роль секретаря.

Хотя сейчас это самый ранний в Северном Причерноморье эпиграфический документ с упоминанием секретаря, нет сомнений, что такая должность появилась здесь гораздо раньше. Однако до эллинистического времени в надписях не было принято упоминать имена секретарей. Сначала, наверное, эту функцию, наряду с другими, поручали одному из членов Совета или коллегии, которые осуществляли практическую власть в государстве. Но с увеличением количества всевозможных документов

для их оформления и хранения стали выделять отдельного человека.

Кроме упомянутого ольвиополита Афинодора, сохранилось несколько имен секретарей, служивших в Херсонесе, Тире и в боспорских городах. Первый по времени из известных сейчас херсонесских секретарей Совета и Народного собрания – Дамасикл, сын Афиней (IOSPE I². № 352); во второй половине II в. до н.э. он передал мастеру почетный декрет, текст которого поручил вырезать на постаменте статуи полководца Диофанта. Имена других секретарей можно прочесть в надписях римского времени: это Аполлонид и Теоген (IOSPE I². № 357, 360), а также Тит Флавий Агеполис, Флавий, сын Аристана (НЭПХ. № 112, 113), и Тит Флавий Аттиан (Антонова, Яйленко 1995. С. 58–86). Три последних имени указывают на принадлежность их носителей к херсонесской знатной семье Флавиев, члены которой имели римское гражданство и во II в. н.э. неоднократно занимали руководящие должности в Херсонесе (Соломоник 1973. С. 28–31, 40). Исполнение обязанностей секретаря Совета (γραμματεὺς τῆς βουλῆς. – IOSPE I². № 359, 363, 396) было одной из первых ступеней, с которых начиналось восхождение по служебной лестнице. Не случайно во всех надписях имена секретарей пишутся в самом конце, вслед за более важными должностными лицами.

О круге обязанностей государственного секретаря (γραμματεὺς τῆς πόλεως) можно прочесть в одной частично сохранившейся надписи римского времени из Тиры (IOSPE I². № 2). Там написано, что секретарь Валерий Руф редактировал постановление о награждении золотым венком сына Коккея. Вероятно, тот умер к моменту издания декрета, в котором сказано, что секретарь вручал отцу копию декрета, а оригинал передавал в городской архив. По надписям Тиры и Херсонеса известно, что в первые века нашей эры государственные документы скреплялись печатями нескольких должностных лиц, и последним из них был секретарь. Оттиски печатей прилагались к документу, написанному на папирусе или пергаменте. Но их нельзя увидеть на копиях декретов, запечатленных на каменных стенах.

Древнейшее упоминание секретаря на Боспоре находится в плохо сохранившейся надписи эллинистического времени (КБН. № 823). В царской канцелярии служили несколько секретарей; в III в. н.э. Фанн был главным, а Менестрат – рядовым секретарем.

рем (Там же. № 36). В боспорских надписях римского времени имена секретарей постоянно присутствуют в списках имен членов различных религиозных объединений, называвшихся фиасами; они существовали не только в столице Пантикапее (Там же. № 82, 89, 93), но и в других городах Боспора; документально это известно по надписям из Гермонассы и Танаиса (Там же. № 1054, 1263, 1264, 1268). В списках подобных объединений перечислялись в строго определенном порядке, соответственно рангам, должностные лица фиаса; имя секретаря стояло на последнем месте, а далее, после слов «остальные члены фиаса», шел перечень рядовых членов объединения.

В древнегреческих полисах суд был одним из важнейших государственных органов. Вероятно, к государственному секретарю обращались за выписками из законов, которые требовались при разрешении различных тяжб. Древнейшие письменные и археологические свидетельства о судах в Ольвии и в Пантикапее относятся к IV в. до н.э. (Скржинська 2009. С. 20). Наряду с судьями и присяжными в судебных заседаниях непременно участвовал секретарь. В его обязанности входило чтение законов, свидетельских показаний и других документов, которые принесли в суд истец и ответчик. Заседание суда начиналось с молитвы богам, после чего секретарь вызывал истца и ответчика, просил их назвать свои имена и читал текст жалобы. Затем истец выходил на специальное возвышение, бему, и произносил свою речь. Вслед за ним выступал ответчик. Оба неоднократно обращались к секретарю, чтобы он прочел соответствующий документ из тех, которые они предоставили суду.

О секретарях в судах Северного Причерноморья не осталось прямых свидетельств. Однако основные черты судопроизводства у всех греков были сходными. Поэтому, чтобы представить роль судебного секретаря, можно обратиться к речам Демосфена, в частности к 34-й речи против боспорского купца Формиона. Она была написана для истцов, обвинивших купца в отказе отдать деньги, взятые в долг для проведения торговых операций на Боспоре. Перечисляя претензии к Формиону, истцы несколько раз обращались к секретарю с просьбой прочесть соответствующий закон (параграфы 37, 42), свидетельские показания (параграфы 9, 10, 11, 15, 20, 38, 40), таможенную запись (параграф 7) и текст прошлогоднего обвинения ответчика.

На основании рассмотренных эпиграфических источников можно утверждать, что деятельность секретарей сопровождала почти всю тысячелетнюю историю античных государств Северного Причерноморья. Как и прочие государственные должности, эту обязанность исполняли исключительно мужчины, полноправные граждане. Работа секретарей, составлявших различные документы, нашла отражение в копиях постановлений и законов, которые вырезали на каменных стелах. В основном это рядовые тексты, написанные по сложившимся трафаретам.

Несмотря на то, что уцелела ничтожная часть государственных документов из античных государств Северного Причерноморья, нам известно достаточное количество их образцов. Они сохранились в надписях с текстами законов, договоров, официальных писем. Наиболее многочисленные примеры документов составляют почетные декреты в честь соотечественников и иностранцев, оказывавших различные услуги государству. Уникальными для античных колоний в Северном Причерноморье являются гражданская клятва и почетный декрет как благодарность за исторический труд. Рассмотренные надписи дают возможность представить, какую роль письменные постановления играли во внутренней и внешней политике Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Упоминания секретарей в ряде эпиграфических памятников донесли нам через два тысячелетия имена граждан, оформлявших документы по нормам, принятым во всей греческой ойкумене.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4.
- Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // ВДИ. 1965. № 2.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О.* Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местные поселения Причерноморья. Севастополь, 1995.

- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинская М.В.* Быт ольвиополитов в VI–I вв. до н.э. // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Скржинська М.В.* Судочинство в античних державах Північного Причорномор'я // Український історичний журнал. 2009. № 5.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2014.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964–1972. Т. 1–2.
- Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса. М., 1983.
- Соломоник Э.И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.
- Тюменев А.И.* Херсонесские и ольвийские проксении // ВДИ. № 2. 1950. № 4.
- Яйленко В.П.* Боспорские проксении; Мнимая проксения Ольвии боспорскому царю Сатиру // Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 2010.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. Roma, 1969. Т. 2.
- Welles C.B.* Royal correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.

Marina V. Skrzhinskaya

THE ROLE OF WRITTEN DOCUMENTS IN THE LIFE OF ANTIQUE STATES OF NORTH BLACK SEA COAST

In the 6th century B.C., when Greek poleis of the North Black Sea Coast emerged, a necessity in keeping official records arose: the new polities needed to keep lists of citizens, to record various decrees, laws, agreements, or title-deeds. Certain rules of composing documents had already been established in the metropole, and so the colonists started to follow examples they knew.

From Tyras, Olbia, Chersonesus, and the Bosphoran Kingdom only those state documents survived, which had been treated as especially significant and so were decided to be copied on stone. Most of such inscriptions contain decrees in honor of local citizens or foreigners who had rendered valuable services to the state. Such services were rewarded with statues, golden crowns, or various exemptions. The big quantity of such documents is not occasional: the very decision to incise

a decree on a stone stele or on a pedestal of a statue was an honorary reward (e.g. IOSPE I². № 31, 352).

Foreigners most frequently were rewarded with proxenies, which gave them various exemptions (mostly in the sphere of trade) as well as the rights of citizenship. The earliest known document of this sort is an Olbian proxenia to the citizens of Sinope of the early 5th century B.C. All North Black Sea proxenies are written according to the rules established in all over the Greek world.

Other kinds of official documents survived only sporadically. A unique document is the oath given by the citizens of Chersonesus *c.* 300 B.C. (IOSPE I². № 401). It follows the pattern attested in other Greek poleis. There are examples of international agreements: the decree of isopoliteia between Miletus and Olbia (МИС. № 35), and the treaty of mutual support between the authorities of Chersonesus and King Pharnaces of Pontus (IOSPE I². № 402). The Olbian decree on money (Ibid. № 24) is an example of a law incised on stone: it clearly defines the rules of trade in Olbia's territory (in local currency only), specifies the exchange rate as well as the fines from those who violate the decree. Several rescripts of Bosporan kings as well as the official correspondence of the authorities of Olbia and Chersonesus with the governor of Province Moesia survive from the Roman time.

Scholars highly appreciate the quality of the language of the North Black Sea inscriptions. It points at a good level of education of those who composed the documents, their professionalism, the knowledge of legal formulas and terms used throughout the Greek world. At the same time, they established some terms of their own.

The author pays a special attention to the role of secretaries. At early time, probably, the composing of documents was entrusted to one of the members of Council or Collegium which ruled the polis in question. Already in the 5th century B.C., when the quantity of documents increased, a special person started to be appointed for their keeping. However, in pre-Hellenistic time there was no custom to mention secretaries in inscriptions. The post of the secretary of the Council (γραμματεὺς τῆς βουλῆς. – IOSPE I². № 359, 363, 396) was one of the lowest steps in the career of officials; names of secretaries were placed in later documents at the very end, after more significant persons. The earliest mention of a secretary in the North Black Sea Coast is known in an inscription of the second half of the 3rd century B.C., a stele of the Collegium which organized bread supplies to Olbia in the years of famine. The stele is ornamented with the depiction of all the five members of the Collegium. The names of all are written below the relief, and the last one mentioned is Secretary Athenodoros, son of Demagoros (see ill. 3). Names of some secretaries (of Tyra, Olbia,

Chersones, and the cities of the Bosporan Kingdom) are known from the inscriptions of the Hellenistic and the Roman periods.

The surviving inscriptions represent a small part of the total of documents once in existence. However, the available material allows us to imagine quite well the process of keeping records in the states of the North Black Sea Coast (the bulk of which was probably on papyrus), as well as to understand better various aspects of political and economic life of those Greek colonies.

Key words: Antiquity, Greece, North Black Sea Region, Tyra, Olbia, Chersonesus, the Bosporan Kingdom, document, writing, state, polis.